

УДК 347.93  
ББК Х518.1 + Х401.02 + Х408.142

И. А. Брагин

## **ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ, КОРРУПЦИЯ, РЕЙДЕРСТВО – ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ**

I. A. Bragin

## **ORGANIZED CRIMINALITY, CORRUPTION, RAIDING – DIALECTIC OF MUTUAL CONDITIONALITY**

*В статье рассматриваются генезис и эволюция российской организованной преступности. Выделяются социально-экономические и организационно-управленческие причины, детерминирующие криминальную активность организованной преступности. Раскрываются также криминологические аспекты инфильтрации незаконных доходов в легальный бизнес. Исследуются взаимосвязь и взаимообусловленность организованной преступности и коррупции. Дается криминологическая характеристика современной российской коррупции. Раскрываются механизм и мотивационная основа инфильтрации незаконных доходов оргпреступности и коррумпированных чиновников в легальный бизнес посредством рейдерских захватов компаний и их активов. Обосновывается необходимость комплексного подхода к криминологической санации такой формы экономического паразитизма, как рейдерство.*

**Ключевые слова:** организованная преступность, коррупция, рейдерство, легализация криминального капитала.

*The article deals with the genesis and evolution of Russian organized criminality. It highlights the socio-economic, organizational and managerial reasons that determine the criminal activity of organized criminality. The article discloses criminological aspects of infiltration of illegal incomes in legitimate business. It explores the relationship and interdependence of organized criminality and corruption. It gives criminological characteristics of modern Russian corruption. The paper reveals the mechanism and the motivational basis of infiltration of illegal income of organized criminality and corrupted officials in the legal business by means of hostile takeovers of companies and their assets. The article substantiates the necessity a comprehensive approach to this form of criminological readjustment of economic parasitism as raiding.*

**Keywords:** organized criminality, corruption, raiding, legalization of criminal capital.

Одной из самых опасных криминальных угроз современности является организованная преступность, приобретающая глобальный характер. Масштабы и специфика организованной преступности в различных странах могут иметь существенные отличия. Итальянская и американская мафия, китайские «триады», японская «якудза», колумбийские картели обладают определенными криминальными чертами и отличиями. Однако природа организованной преступности, ее генезис и эволюция имеют общие закономерности. Так, американский криминолог Джей Альбанезе из Университета Содружества

Виргинии выделяет три вида организованной преступной деятельности:

- а) снабжение запрещенными товарами;
- б) предоставление незаконных услуг;
- в) проникновение в легальный бизнес.

Степень распространения организованной преступности и величина издержек от преступной деятельности, по его мнению, мало известна вследствие высокого уровня латентности этого вида преступного промысла. В США рабочая группа Президентской комиссии по организованной преступности (President's Crime Commission Task Force on orga-

**165**

Уголовно-правовая  
доктрина





nized Crime, 1967) и Президентская комиссия по организованной преступности (President's Commission on organized Crime, 1987) констатировали, что общество платит организованным преступным группировкам высокую цену.

Согласно оценке этих комиссий, потери от организованной преступности в форме нелегальных прибылей, неоплаченных налогов, разрушения легального бизнеса, а также коррупция в сфере политики и бизнеса намного превосходят убытки, которые общество несет от уличной преступности<sup>1</sup>.

Российская организованная преступность относительно молодая, но от того не менее опасна. Она зарождалась в недрах теневой экономики СССР в 70—80-х годах прошлого столетия. В условиях плановой экономики нарастал неудовлетворенный спрос населения на товары и услуги. Распределительные отношения создавали условия для хищений, злоупотреблений и коррупции. В этот период появляются нелегальные производства, возглавляемые наиболее предприимчивыми людьми, получившими наименование «цеховики». Организованная преступность, промышлявшая до этого общеуголовными преступлениями: кражами, грабежами, разбоями — довольно быстро проникла в теневую экономику и посредством насилия, шантажа и рэкета установила контроль над ней.

В период реформ организованная преступность стала активно заполнять новые экономические ниши, получив дополнительные стимулы криминальной активности. В девяностых годах прошлого столетия системными детерминирующими факторами становятся дефекты экономических, социальных и организационно-управленческих преобразований в стране. Отсутствие должного налогового, финансового, банковского, таможенного контроля создало самые благоприятные условия для теневой экономики в зарождающейся рыночной экономике.

По некоторым экспертным оценкам, доля теневой экономики в начале 1990-х годов составляла 40—50% от всего производства внутреннего валового продукта<sup>2</sup>. По оценкам Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, ущерб, наносимый теневым сектором экономике Уральского федерального округа в конце 90-х, составлял до 30% валового регионального продукта, а объемы укрываемых налогов составляли до 72% доходов бюджетов всех уровней<sup>3</sup>.

Необоснованное отстранение государства от роли активного регулятора

экономической жизни, подкрепляемое псевдонаучными теориями «свободной игры рыночных сил», непроработанность правовых механизмов рыночных реформ и сознательное ослабление борьбы с экономическими преступлениями под предлогом использования теневой экономики в качестве ресурсной базы экономических реформ расчистили «экономическое поле» для организованной преступности и коррупции. Преступные группировки становятся активными участниками теневой экономики, приносящей колоссальные неконтролируемые государством доходы. Имея практически неограниченные финансовые ресурсы, организованная преступность принимает активное участие в приватизации государственного имущества, открывшей путь к легализации преступных доходов. По данным МВД РФ, в 1993—1994 гг. были вовлечены в криминальные отношения 40% предпринимателей и 66% коммерческих структур. Мафией был установлен контроль над 35 тысячами хозяйствующих субъектов, среди которых 400 банков, 47 бирж, 1500 предприятий государственного сектора<sup>4</sup>. За 20 лет, с 1989 года по 2008 год, количество выявленных организованных преступных групп увеличилось в 62 раза с 485 до 30 763<sup>5</sup>.

В период глубочайшего экономического кризиса в руках организованной преступности сосредоточились колоссальные финансовые ресурсы, позволяющие оказывать влияние на ход социально-экономических реформ в стране. Экономическая форма организованной преступности, в отличие от общеуголовной оргпреступности, не может осуществлять свою деятельность автономно, вне взаимосвязи с бюрократией, поскольку многие виды экономической деятельности зависят от администрирования государственных и муниципальных структур: лицензии, контракты на поставку продукции, строительство, налоговые и таможенные льготы и т. д. Все это покупалось оргпреступностью у чиновников, превращая регулятивную деятельность государства в процесс обмена власти на деньги. Тем самым раскручивался маховик тотальной коррупции.

Следует отметить, что закономерность эволюции любых форм мафии и организованной преступности заключается в формуле: преступления — богатство — легализация — власть. Российская организованная преступность в этом плане не является исключением. Более того, она прошла этот путь в несопоставимо короткие сроки. Инфильтрация преступ-

ных теневых доходов в легальный бизнес позволила довольно быстро «отмыть» их. В результате многие сферы экономики превратились в довольно сложный конгломерат криминальной и легальной экономической деятельности, где одно от другого отличить достаточно сложно. Реалии этого процесса опровергли утверждение о том, что теневая экономика может быть эффективным инструментом экономических реформ, поскольку по своей сути теневая экономическая деятельность порождает специфический тип предпринимательства, ориентированного на криминальное экономическое поведение. Поэтому рассматривать теневую экономику в качестве локомотива экономических реформ было бы в лучшем случае заблуждением.

Одним из опасных видов организованной преступной деятельности является рейдерство. История эволюции итальянской, американской мафии и аналогичных организованных преступных сообществ в других странах свидетельствует о том, что по мере нарастания экономической мощи и богатства их перестает устраивать статус гангстерских организаций. Накопленные преступные доходы всегда стремятся к легализации. Мотивация рейдерства здесь преследует три цели.

Первая — посредством рейдерства организованные преступные группировки получают возможность приумножить свое богатство.

Вторая — рейдерский захват законного бизнеса позволяет легализовать доходы, ранее добытые преступным путем.

И наконец, третья цель заключается в том, чтобы посредством рейдерского проникновения в легальный бизнес «отмыть» одиозные имена лидеров организованной преступности, позволяющих перейти из статуса гангстеров в разряд авторитетных и безупречных бизнесменов.

Тенденции инфильтрации преступных капиталов в легальный бизнес, взаимопроникновение организованной преступности и власти находят свое подтверждение не только в материалах правоохранительных органов и социологических исследованиях. Отдельные средства массовой информации, освещая проблемы криминализации общества, приходят к аналогичным выводам. Так, репортер интернет-газеты «Фонтанка.ру» Евгений Вышенков в течение многих лет исследовал генезис и эволюцию организованной преступности Санкт-Петербурга. В книге под названием «Крыша. Устная история рэкета» он осветил историю криминального становления и развития

таких преступных группировок, как «Малышевские», «Тамбовские», «Брянские», «Великолукские», «Казанские» и др. В советские времена эти группировки специализировались на «фарцовке», валютных спекуляциях и рэжете в отношении «цеховиков», руководителей торговли и общепита. С началом экономических реформ сферой их криминального интереса становится весь бизнес, приносящий невиданные ранее богатства. В борьбе за сферы влияния между группировками разгораются гангстерские войны, в ходе которых уничтожены сотни бандитов и коммерсантов. По мере приумножения богатств и своей экономической мощи происходят процесс слияния с легальным бизнесом и трансформация преступных группировок в бизнес-структуры, «отмывающие» преступные капиталы и гангстерские имена. Это позволяло, в числе прочего, реализовать и политические амбиции. Ведь не случайно в Государственной Думе Санкт-Петербург представляли трое активных членов «тамбовской» преступной группировки, а депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Ю. Шутов в последующем был осужден к пожизненному лишению свободы за убийства.

В заключительной части своей книги Е. Вышенков приводит список имен наиболее одиозных членов преступных группировок, в числе которых более 50 погибли в гангстерских войнах, 29 осуждены за различные преступления, в том числе 7 за рейдерство, а 32 мафиози стали миллионерами и мультимиллионерами, легализовавшись в бизнес<sup>6</sup>.

Эта история не носит исключительный характер, скорее она лишь является подтверждением живучести организованной преступности, ее способности к трансформации и приспособлению к реальным условиям. Свидетельством этому служат многочисленные примеры, когда легализовавшиеся преступные группировки посредством захвата бизнеса и коррумпированного покровительства правоохранительных органов и властных структур распространяют свою криминальную экспансию на бизнес, население и власть многих регионов.

Примеры доминирования легализованного криминального бизнеса в таких территориях страны, как станица Кущевская, города Энгельс, Гусь-Хрустальный, Березовск и др. лишь подтверждают справедливость слов итальянского судьи Фальконе, убитого на Сицилии: «Нельзя перестать быть священником. Или мафиозо».





Поэтому легализация организованной преступности и ее капиталов закономерно криминализует не только экономику, но и весь спектр общественных отношений.

Коррупция так же, как и организованная преступность, разрушает правовые устои общества и власти. Являясь одним из древних пороков цивилизации, она является спутником практически всех общественно-политических систем. Однако ее уровень и степень опасности зависит от того, насколько открыт и прозрачен процесс принятия властных решений, состояния гражданского общества и его способности осуществлять контроль бюрократии и, наконец, эффективности антикоррупционного законодательства.

В советский период коррупция, проявляя тенденцию к росту, все-таки сдерживалась жесткими рамками партийного и государственного контроля. С началом рыночных реформ открылись небывалые до этого возможности безнаказанного злоупотребления властью, а также множество новых криминальных ниш, детерминирующих современную рыночную коррупцию. Несмотря на это, восприятие и оценка коррупции в новых условиях сводились, как и в советские времена, к примитивному взяточничеству.

В документах ООН и Совета Европы, ратифицированных Россией, коррупция рассматривается как злоупотребление властью для получения выгоды в личных целях и в целях третьих лиц или групп<sup>7</sup>.

Аналогичные идеи в понятие коррупции закладывались рабочей группой Комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью Верховного Совета РСФСР в 1993 году при подготовке проекта Закона о борьбе с коррупцией. Рабочая группа предложила следующее определение: «Под коррупцией понимается использование лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, своего официального положения и связанных с этим возможностей для противоправного получения материальных, любых других благ и преимуществ, а также предоставление им этих благ и преимуществ физическими и юридическими лицами»<sup>8</sup>. Из этого определения следовало, что коррупция выходит далеко за пределы взяточничества и носит институциональный характер. В условиях, когда шел невиданный по масштабам передел собственности, а экономическая и организованная преступность, получив дополнительные стимулы криминальной активности, генерировали новые виды коррупции, этот закон был заблокирован

по вполне объяснимым причинам.

Действующее в это время законодательство ни в коей мере не охватывало многие виды коррупционных проявлений. К таким, в частности, относится протекционизм в отношении наиболее опасных видов теневой экономической деятельности, таких как незаконная приватизация государственной собственности, сокрытие доходов от налогообложения, разворовывание бюджетных средств посредством заключения контрактов с «нужными» фирмами. Широкое распространение получил коррупционный лоббизм в интересах компаний и финансово-промышленных групп, связанных с необоснованным предоставлением льгот и преимуществ.

Наглядным примером тому служат залоговые аукционы, позволившие узкому избранному кругу предпринимателей получить за бесценок баснословную собственность. В политической сфере коррупция в виде тайных взносов на выборы и другие политические цели с последующей расплатой государственными должностями давала возможность безнаказанно лоббировать интересы теневого криминального бизнеса. Повсеместное совмещение государственной службы с коммерческой деятельностью, обогащавшее бюрократию, дискредитировало важнейшие принципы рыночной экономики, такие как конкуренция и свобода предпринимательства. Во внешней сфере коррупция приобрела транснациональный характер при заключении внешнеэкономических контрактов, позволяющих, например, за счет демпинговых цен на поставляемую продукцию выводить значительные капиталы за рубеж, регистрировать самые высокодоходные компании в офшорах и «отмывать» там незаконно вывезенный национальный капитал, подпитывая тем самым зарубежную коррупцию. Все это в течение длительного времени находилось вне сферы правового регулирования.

Современная коррупция тесно взаимосвязана с организованной преступностью. В Конвенции ООН против коррупции связь продажной бюрократии с организованной экономической преступностью отнесена к наиболее опасному виду коррупции<sup>9</sup>.

Взаимосвязь и взаимозависимость организованной преступности и коррупции проявляется в общих криминологических факторах.

Во-первых, объединяющей мотивационной основой является то, что организованная преступная и коррупционная дея-



тельность строятся на извлечении незаконных доходов. Именно противоправная деятельность является фундаментом для конвергенции организованной преступности и коррупции.

Во-вторых, организованная преступность в целях обеспечения своей безопасности и сохранения теневых капиталов прибегает к «услугам» правоохранительных органов и властных структур, щедро оплачивая их. Коррупционный переток капиталов дает возможность не только консервировать существующее положение организованной преступности, но и вслед за движением средств, используемых для подкупа, проникать ей в правоохранительную деятельность, судебную систему и другие институты власти, используя их полномочия для лоббирования своих интересов. Сращивание организованной преступности и власти приводит к самодетерминации криминальной активности в экономической, социальной и политической сферах, создавая благоприятную почву для организованной коррупции, контролирующей значительную долю ресурсов государства. Все это создает угрозу национальной безопасности, стабильности и устойчивому развитию общества.

В-третьих, организованная преступность и коррупция при достижении существенного криминального потенциала, способного лоббировать свои

интересы, переходят к легализации преступных капиталов. Лидеров преступного мира не устраивает статус гангстеров и бандитов, коррумпированных чиновников тяготит роль подпольных богачей. И те и другие стремятся перейти в разряд респектабельных бизнесменов. Достигается это посредством инфильтрации преступных капиталов в легальный бизнес. Самым распространенным способом такой легализации является рейдерство, позволяющее легализовать криминальные капиталы с минимальными затратами.

По результатам социологического опроса в 2009—2011 годах бизнес-сообщества Челябинской области по проблеме рейдерства, на вопрос о типичном портрете современного рейдера респонденты наибольшую роль отвели коррумпированным сотрудникам правоохранительных органов — 29,3%, организованной преступности — 29%, коррумпированным чиновникам — 26,6%<sup>10</sup>.

Таким образом, организованная преступность и коррупция, будучи в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности, детерминируют такую форму экономического паразитизма, как рейдерство. Поэтому криминологическая санация рейдерства будет эффективна лишь при комплексном и системном подходе к противодействию коррупции, экономической и организованной преступности.

### Примечания

1. *Альбанезе Д.* Таинственная мафия: Организованная преступность // Криминология / под ред. Дж.-Ф. Шелли. — СПб., 2003. — С. 321—322.
2. Организованная преступность — 4. — М.: Криминологическая ассоциация, 1998. — С. 94.
3. *Татаркин А. И., Яковлев В. Ф.* Теневая экономика региона: диагностика и меры нейтрализации. — М., 2004. — С. 5.
4. Состояние правопорядка в России и результаты работы органов внутренних дел в 1993 году. — М., 1994. — С. 9—11.
5. *Лунеев В. В.* Курс мировой и российской криминологии. — Т. 2. — М., 2011. — С. 671.
6. *Вышенков Е.* Крыша. Устная история рэкета. — СПб., 2011. — С. 29—30, 34, 105—116, 213—214, 227—232, 274—282.
7. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года: сборник материалов о противодействии коррупции. — М.: Lexpro, 2010. — С. 137; Практические меры борьбы с коррупцией. Руководство, подготовленное секретариатом ООН. А/CONF. 144.8. — 29 мая; Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.; Резолюция Совета Европы № 87 «О двадцати принципах борьбы с коррупцией» от 6 ноября 1997 года // Сборник материалов о противодействии коррупции. — М.: Lexpro, 2010. — С. 102—109.
8. *Волженских Б. В.* Избранные труды. — СПб., 2008. — С. 421—422.
9. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года // Сборник материалов о противодействии коррупции. — М.: Lexpro, 2010. — С. 126.
10. Материалы социологического исследования Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (Челябинский филиал) по проблеме рейдерства. — Челябинск, 2011. — С. 10.



## References

1. *Albaneze D. Tainstvennaya mafiya: Organizovannaya prestupnost* [Mysterious mafia: Organized criminality]. *Kriminologiya. Pod red. Dzh.-F. Shelli*. [Criminology under the editorship of J.F. Shelli]. St. Petersburg, 2003. p. 321—322.
2. *Organizovannaya prestupnost — 4. Kriminologicheskaya assotsiatsiya* [Organized criminality — 4. Criminological association]. Moscow, 1998. p. 94.
3. *Tatarkin A. I., Yakovlev V. F. Tenevaya ekonomika regiona: diagnostika i mery neitralizatsii* [Shadow economy of the region: diagnostics and measures of neutralization]. Moscow, 2004. p. 5.
4. *Sostoyanie pravoporyadka v Rossii i rezultaty raboty organov vnutrennikh del v 1993 godu* [Condition of legal order in Russia and results of internal affairs bodies work in 1993]. Moscow, 1994. p. 9—11.
5. *Luneev V. V. Kurs mirovoi i rossijskoi kriminologii. t. 2.* [Course of world and Russian criminology in 2 books]. Moscow, 2011. p. 671.
6. *Vyshenkov E. Krysha. Ustnaya istoriya reketa* [Criminal protection racket. Oral history of racket]. St. Petersburg, 2011. p. 29—30; 34; 105—116; 213—214; 227—232; 274—282.
7. *Konventsia OON protiv korruptsii ot 31 oktyabrya 2003 goda* [United Nations Convention against corruption dated October 31, 2003]. *Sbornik materialov o protivodeistvy korruptsii* [Collection of materials on fighting corruption]. Lexpro, 2010. p. 137; *Prakticheskie mery borby s korruptsiei. Rukovodstvo, podgotovlennoe sekretariatom OON. A/CONF. 144.8. 1990. 29 maya*; *Konventsia Soveta Evropy ob ugolovnoi otvetstvennosti za korruptsiyu ot 27 yanvaria 1999 g. Rezoliutsia Soveta Evropy No. 87 "O dvadtsati printsipakh borby s korruptsiei" ot 06 noyabrya 1997 goda* [Practical measures of fighting corruption. Manual prepared by the secretariat of United Nations. A/CONF 144.8. 1990. May 29; Council of Europe Convention No. 87 "On twenty principles of fight with corruption" dated November 06, 1999. *Sbornik materialov o protivodeistvy korruptsii* [Collection of materials on fighting corruption]. Lexpro, 2010. pp. 102—109.
8. *Volzhenskikh B. V. Izbrannye trudy* [Selected works]. St. Petersburg, 2008. p. 421—422.
9. *Konventsia OON protiv korruptsii ot 31 oktyabrya 2003 goda* [Convention of United Nations on fight with corruption dated October 31, 2003]. *Sbornik materialov o protivodeistvy korruptsii* [Collection of materials on fighting corruption]. Lexpro, 2010. p. 126.
10. *Materialy sotsiologicheskogo issledovaniya Instituta ekonomiki Uralskogo otdeleniya Rossijskoi akademii nauk (Cheliabinskij filial) po probleme reiderstva* [Materials on sociological investigation of Institute of Economics of Ural branch of Russian Academy of Sciences (Chelyabinsk branch) on the problem of raiding]. Chelyabinsk, 2011. p. 10.

**БРАГИН Иван Анатольевич**, директор Челябинского филиала ГБОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия». 454071, г. Челябинск, ул. Культуры, 102. E-mail: chelyab@usla.ru

**BRAGIN Ivan Anatoljevich**, director of Chelyabinsk branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ural State Academy of Law", 454071, Chelyabinsk, 102 Kultury Street. E-mail: chelyab@usla.ru

